

Л. А. Демина, МГЮА им. О. Е. Кутафина

МНЕНИЕ, ВЕРА, ЗНАНИЕ

В аналитической философии, обратившейся к анализу естественного языка, задача определения этих центральных эпистемических понятий ставится по-другому. Психологизация этих понятий, вследствие введения в рассмотрение субъекта – носителя мнения, веры, знания, дала толчок к их сближению. Рядом исследователей знание стало определяться либо как включающее в свой состав веру, либо как содержащее общий с ней компонент – чувство уверенности. Акцент с рассмотрения отношения «пропозиция – реальный мир» стал смещаться в сторону рассмотрения отношения «субъект – пропозиция». Место обладателя критериями истинности суждения стало отводиться не абстрактному наблюдателю, наделенному логическим всеведением, а самому носителю знания или мнения. Но надо отметить, это не является открытием аналитической философии. Весьма интересными и созвучными современности выглядят эпистемологические рассуждения Канта.

Кантом выделяется три ступени в признании истинности суждения (или субъективном значении суждения): мнение, вера, знание. Мнение – это признание истинности суждения, признаваемое недостаточным как с субъективной, так и с объективной стороны. Верую называется суждение, истинность которого имеет достаточное основание с субъективной стороны, но в то же время признается как объективно недостаточное. Знание – это признание достаточности обоснования истинности суждения, как с субъективной, так и с объективной стороны. В знании соединяется субъективная достаточность (убеждение) с объективной достаточностью (т.е. тем, что обоснованно для всех, или достоверно). Кант отмечает, что в суждения чистого разума мнения не допустимы, здесь должно быть только знание. «Но в чисто практическом отношении, - отмечает Кант, - теоретически недостаточное признание истинности суждения может быть названо верой». Как известно, Кант выделяет прагматическую веру, доктринальную и моральную.

С логической точки зрения, кантовская градация веры представляет собой первую и впоследствии никем не повторенную, попытку разработать понятие веры как эпистемическое понятие, как особую познавательную способность или способ познания, наряду с мнением и знанием. Обратим внимание, что прагматическая вера в кантовском понимании по степени обоснованности тяготеет к мнению, в то время как моральная вера, основанная на безусловной необходимости, ближе к знанию, но с ним не сливается.

Причиной такого разграничения служит то, что Кант выдвигает в качестве критерия истинности суждения: это возможность сообщать его и считать, что его истинность может быть признана всяким человеческим разумом. Мы считаем, что это свойство можно назвать интересубъективностью знания. Таким образом, критерием с точки зрения Канта выступает не объективность, а интересубъективность знания, в результате

чего знание приобретает достоверный характер. Данный критерий не может быть применен к вере, так как убеждение, на которое опирается вера, есть не логическая, а моральная достоверность.

Сказанное Кантом непосредственно перекликается с некоторыми проблемами, встающими перед современными философами и логиками, занимающимися проблемами эпистемической логики. В общем плане предложения с эпистемическими операторами («знает», «верит» и т.п.) являются частными случаями пропозициональных установок. Постепенно анализ центральных понятий эпистемологии смыкается с лингвистическими исследованиями – ранее всего это нашло отражение в работах Дж. Э. Мура, Л. Витгенштейна, Н. Малкольма. Интересно отметить, что кантовская характеристика веры как способа обоснования достоверности суждений, связанного с определенной процедурой подтверждения (о чем говорилось выше), дает основание некоторым авторам – например, К. Филлипс и П. Строссону, – рассматривать Канта как предтечу эмпиристской или конструктивистской теории смысла.

Остановимся на рассмотрении выражения пропозициональных установок в речевой деятельности, а также некоторых приемов аргументации различного рода суждений.

Важнейшей чертой, характеризующей контексты знания, является то, что в них фиксируются факты, причины, результаты, то есть то, что является объективно данным. Это позволяет отнести их к классу верифицируемых пропозиций. В принципе, верифицируемые пропозиции могут быть содержанием, как знания, так и мнения. Отличия состоят в следующем. Если сообщаемая информация принадлежит сфере знаний субъекта, то нет необходимости это эксплицировать. Если же модус знания («я знаю») все же присутствует в сообщении, то, как правило, он предваряет ссылку на источник информации.

Если же верифицируемое суждение составляет содержание мнения субъекта, то это должно быть либо понятно из контекста, либо отмечено соответствующими глаголами: «я думаю», «я считаю» и т.п.

Знание и мнение отличаются друг от друга также степенью достоверности: в случае знания имеет место истинностная оценка, в случае мнения – вероятностная. Утверждение знания полностью исключает не только выражение неуверенности и указание на возможность ошибки, но и выражение уверенности (выражение «Я уверен, что я знаю...» звучит почти парадоксально). Мнение, напротив, легко соединяется с выражением уверенности или неуверенности, или указанием на возможность альтернативного положения дел.